

Бунчук Т. Н. Антропонимическая система села Лойма / Т. Н. Бунчук, Е. Л. Прописнова // Научный диалог. — 2015. — № 9 (45). — С. 8—30.

УДК 811.161.1'373.23(470.13)

Антропонимическая система села Лойма

© Бунчук Татьяна Николаевна (2015), кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и общей филологии Института гуманитарных наук, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия), tnbunchuk@mail.ru.

© Прописнова Екатерина Леонидовна (2015), Институт гуманитарных наук, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия), propisnova2013@yandex.ru.

Рассматриваются личные имена и прозвища, функционирующие в языковом коллективе села Лойма, одного из русских сел на территории Республики Коми. Авторы исходят из того, что антропонимия является значительной частью ономастического пространства любого языка. Этот языковой пласт несет в себе лингвистическую, этнографическую, историческую, социальную и культурную информацию, что обуславливает актуальность исследования. Материал извлечен из картотеки говора села Лойма, хранящейся в Сыктывкарском государственном университете. Сообщается, что село находится в окружении сел с иной культурно-языковой принадлежностью, располагается в относительной отдаленности от больших городов — Сыктывкара и Кирова. Этим объясняется культурно-языковое своеобразие ономастикона данной местности. Личные имена и прозвища описываются с точки зрения их номинативной и структурно-семантической организации, а также в аспекте отражения ими народной культуры. Проводится сравнение именников XVII—XVIII вв. и XXI в. Составлен список фамилий, характерных для данного языкового сообщества. Отмечается, что гипокористическое имя сопровождает лоемца всю его жизнь. В результате исследова-

ния выявлены основные словообразовательные модели, функционально-семантические свойства антропонимов, создающие «колорит» ономастикона языкового коллектива Лоймы.

Ключевые слова: диалект; имя; фамилия; антропоним; индивидуальное прозвище; коллективное прозвище; словообразование; народная культура.

1. Введение

Внимание к системе имен собственных, в частности антропонимов, определяется их особым положением в языке. По словам известного исследователя ономастики В. А. Никонова, «личные имена, прозвища, фамилии людей, безусловно, являются частью лексической системы, функционируют в ее рамках, развиваются по языковым законам, но при этом антропонимия образует в языке особую подсистему, в которой общие законы языка преломляются специфически и, кроме того, возникают свои собственные закономерности, которых нет в языке вне ее» [Никонов, 1974, с. 6].

Антропонимия составляет значительную часть ономастического пространства любого языка, поэтому культурно-историческая ценность личных имен не нуждается в доказательствах и многим исследователям представляется очевидной. Этот языковой пласт, чрезвычайно чувствительный к любым изменениям в обществе, несет в себе лингвистическую, этнографическую, историческую, социальную и культурную информацию. Это и обусловило актуальность исследования имен собственных в говоре села Лойма.

Лойма представляет собой куст деревень, в который входят такие деревни, как Галахтионовская, Ивановская, Кузнецовская, Карповская, Анкерская, Лёхта, Пентюра, Вотинская, Уркинская, Тарасовская, Тарбиевская, Гарь и др. В связи с тем, что село находится в окружении сел с иной культурно-языковой принадлежностью, а также располагается в относительной отдаленности от больших городов — Сыктывкара и Кирова, жители Лоймы вполне осознают свое культурное и языковое отличие от остальных русских, даже подчеркивают его и им гордятся (см.: [Бунчук, 2014]).

Одним из знаков социально-языкового коллектива Лоймы выступают имена, сами ее жители обращают на них особое внимание: это выражается, например, в том, что особенности местных имен обсуждаются в группе одной из социальных интернет-сетей. Традиции именованья членов языкового коллектива осознаются как характерные для него, отличающие его от других групп, и потому, наряду с официальными именами, лоемцы активно используют в речи их производные, а также прозвища, которые воспринимаются как «свои», внутригрупповые имена [Бунчук, 2014, с. 39]. Можно сказать, что, помимо своей основной функции, имена выполняют роль маркера принадлежности к данному языковому коллективу.

2. Личные имена

В общении лоемцев отмечается употребление как полных имен, так и их производных форм. Под полными именами понимаются такие языковые единицы, которые состоят из трех элементов: имени, отчества и фамилии. Иначе их можно назвать официальными, или паспортными. Такие имена обязательны для официального общения и для гражданской регистрации. Конечно, все жители с. Лойма имеют такие имена, как граждане Российской Федерации, например: *Куликова Людмила Валерьяновна, Шехонина Мария Ивановна, Веселов Сергей Иванович, Чарков Анатолий Петрович* и т. д. Однако употребление таких имен ограничено специфической сферой общения — официально-деловой коммуникацией — и потому не является показательным.

По историческим сведениям, древнейшими лоемскими фамилиями, зафиксированными в документах XVII—XVIII вв., были *Борисовы, Бородкины, Вилежанины, Дозморовы, Епимаховы, Ждановы, Запольские, Изеговы, Куликовы, Макаровы, Машуковы, Мокиевы, Морозовы, Низовцевы, Пакишины, Паневы, Пантелеевы, Поповы, Ракины, Роговы, Родионовы, Сельковы, Семушкины, Сюткины, Тырышкины, Ушаковы, Худяковы, Чертковы, Чишевы, Шехонины, Шулеповы* [Жеребцов,

2000, с. 208—209]. Сегодня самыми распространенными фамилиями в Лойме являются *Бородкины, Вилежанины, Веселовы, Иевлевы, Жебовы, Киришины, Куликовы, Лобановы, Макаровские, Машуковы, Низовцевы, Помысовы, Тырышкины, Сюткины, Чарковы, Чужмаровы, Шехонины, Яборовы*. Сравнение именников XVII—XVIII вв. и XXI в. позволяет установить фамилии, имеющие наиболее постоянный характер: *Бородкины, Вилежанины, Куликовы, Машуковы, Мокиевы, Низовцевы, Тырышкины, Сюткины, Шехонины*.

Повышенный интерес к своей культуре и истории вызвал у местных жителей желание объяснить свое происхождение, в том числе с опорой на фамилии. Так, в недавно изданной силами местных библиотечарей книге «По-лоемски играем, по-лоемски поем» обнаруживаем попытку прокомментировать историю появления села через одну из популярных фамилий — *Шехонины*: «В основном, говорят, с Пошехонья, с реки Шехони», — отвечает собеседница с исторической фамилией (Шехонина. — Т. Б.)» [По-лоемски играем..., 2010, с. 5]. Связь с топонимом обнаруживается и в фамилии *Вилежанины*: фамилия образована от прозвища, в свою очередь образованного от названия реки Виледь, протекающей в соседней Архангельской области. Среди фамилий лоемцев отмечаются и фамилии с финно-угорским компонентом: *Дозморовы, Помысовы, Чужмаровы* (коми *дозмӧр* ‘глухарь’, *пом* ‘конец; кусок’, *помысь* ‘последлог с пространственно-временным значением’, *чужмӧр* ‘горностай’). Фамилии, однако, в речевой коммуникации используются редко, в основном для официального обращения, в повседневной жизни более употребительны личные имена и прозвища, коллективные и индивидуальные, которые могут переходить в разряд коллективных. Низкая степень актуальности фамилий в сельском общении подтверждается тем фактом, что при общении с приезжими людьми могут возникать сложности в идентификации носителя имени, см., например, характерный ответ на вопрос: — *Где живет Шехонина Мария Ивановна? — Это хто? А-а, Марика-та Любавишна? Знаю-знаю!*

Личные имена в лоемском говоре представлены преимущественно именами «христианского» происхождения: *Григорий, Самуил, Павел, Федор, Христофор, Василий, Лидия, Анна, Прасковья, Мария, Манефа, Евлалия, Глафира* и др. Используются и славянские имена: *Владимир, Людмила, Светлана, Любовь* и др. Надо отметить, что имена типа *Глафира, Евлалия, Манефа, Самуил, Христофор* и т. п. носят люди пожилого возраста. Именник молодых людей, за редким исключением (*Корней* — имя молодого человека), представляет собой имена, популярные и в городской культуре: *Светлана, Анастасия, Артём, Полина, Юлия, Виктор, Сергей, Николай, Никита* и др.

В речи лоемцев в основном используются гипокористические, то есть фамильярные имена: *Клавдя, Овдя, Марика, Евлалика, Парасья, Любасья, Пашко, Валько, Петруша* и т. п. Они выполняют функцию внутригруппового, «своего» имени, выделяя конкретного носителя имени среди тезок и однофамильцев в условиях замкнутого социума традиционной деревни. Вследствие этого гипокористические имена в языковом коллективе села Лоймы, несмотря на их необычность и фамильярность, носят преимущественно нейтральный стилистический характер.

В говоре не отмечается дифференциация личных имен по возрасту или социальному положению, и потому можно утверждать, что гипокористическое имя сопровождает лоемца всю его жизнь.

Образование гипокористических личных имен характеризуется специфическими особенностями, что придает местный «колорит» лоемскому ономастикону. В образовании производных личных имен в лоемском говоре можно выделить два ведущих словообразовательных способа: редукцию (усечение) состава основы и суффиксацию.

1. Имена, образовавшиеся путем *усечения производящей основы*. Усечение может сопровождаться различного рода фонетическими преобразованиями производящей основы. Были выявлены следующие морфонологические модели образования производных личных имен.

— «чистое» усечение без фонетических модификации: *Оль(г)а* → *Оля*, *Лид(и)я* → *Лидя*, *Агн(и)я* → *Агня* и т. п.;

— усечение с перенесением ударения к началу слова, в некоторых случаях с изменением гласной в корне: *Вас(илий)* → *Вася*, *Гал(ина)* → *Галя*, *Кристина* → *Крестя*, *Пелагея* → *Палага* и т. п.;

— усечение со смягчением / отвердением согласного основы: *Ан(на)* → *Аня*, *Ген(надий)* → *Геня*, *Серг(ей)* → *Серьга* и т. п.;

— усечение с преобразованием начальной гласной в слове и со смягчением / отвердением согласного основы: *Аграфена* → *Огря*, *Евдокия* → *Евдя / Овдя*, *Аксинья* → *Окся*, *Алексей* → *Олѣкса* и т. п.;

— начальное усечение основы: *(Олим)пиада* → *Пияда*;

— начально-конечное усечение основы и добавлением флексии –а в мужских именах: *(Ана)Тол(ий)* → *Толя*, *(Дмит(рий))* → *Митя* и т. п.

Наиболее распространенными в лоемском говоре являются модели с усечением и смягчением /отвердением согласного основы, с усечением и преобразованием начальной гласной в слове (*Геня*, *Олѣкса*, *Серьга*, *Лидя*, *Окся*, *Огря*, *Евдя / Овдя*, *Крестя* и т. п.).

2. Наряду с усечением основы в говоре активно используется такой прием преобразования личных имен, как **суффиксация**. Чаще всего оба эти способа взаимодействуют, между ними возникают отношения взаимодополнения. Исследование особенностей словообразования личных имен с суффиксацией в лоемском говоре позволило выявить следующие словообразовательные модели.

— с суффиксом –к-, присоединяющимся к основе полного или гипокористического имени, в ряде случаев усеченной, фонетически преобразованной или осложненной [j]: *Еввалия* → *Еввалика*, *Мария* → *Марика*, *Глафира* → *Графийка*, *Лидия* → *Лидийка*, *Самуил* → *Самойко*, *Изосима* → *Сима* → *Симко*, *Павел* → *Пашиа* → *Пашико*, *Валентин* → *Валя* → *Валько*. Отметим, что в этом случае оформление мужских и женских имен в лоемском говоре отличается в части выбора словообразовательного форманта: женские имена имеют флексию –а, тогда как мужские имена оформляются флексией –о;

— с суффиксом *-ух*, присоединяющимся к основе полного или гипокористического имени: *Павел* → *Павлуха*, *Петр* → *Петруха*, *Анна* → *Аня* → *Анюха*, *Татьяна* → *Таня* → *Танюха*, *Полина* → *Поля* → *Полюха*, *Василиса* → *Вася* → *Васюха* и т. п.;

— с суффиксом *-ах*, присоединяющимся к основе полного или гипокористического имени, в ряде случаев усеченной, фонетически преобразованной: *Ульяна* → *Уля* → *Уляха*, *Любовь* → *Люба* → *Любах*, *Дмитрий* → *Митрий* → *Митряха*, *Степан* → *Степах* и т. п. Ср.: *Мама была по-деревенски Овдя, а я по бабушке, бабушка-то была Любахой*;

— с суффиксом *-уш-*, присоединяющимся к основе, в ряде случаев усеченной, фонетически преобразованной: *Андрей* → *Ондрюша*, *Петр* → *Петруша* и т. п. Добавим, что такое словообразование в лоемском говоре характерно в основном для мужских имен;

— с суффиксом *-ик*, присоединяющимся к основе имени, в ряде случаев усеченной, фонетически преобразованной: *Юрий* → *Юра* → *Юрик*, *Александр* → *Шура* → *Шурик*, *Пётр* → *Петрик* и т. п.;

— с суффиксом *-ун-*, присоединяющимся к основе к основе полного или гипокористического имени, в ряде случаев усеченной, фонетически преобразованной: *Сергей* → *Сергуня*, *Яков* → *Якуня*, *Федор* → *Федя* → *Федюня* и т. п.;

— с суффиксом *-ася-*, присоединяющимся к основе, в ряде случаев усеченной, фонетически преобразованной: *Любовь* → *Любасья*, *Прасковья* → *Парасья* и т. п. Такая модель словообразования характерна исключительно для женских имен.

В говоре встретились и редкие модели образования производных от мужских личных имен, например с суффиксом *-ос / -дос*: *Геннадий* → *Гендос*, *Федор* → *Федос*.

Большинство суффиксов, участвующих в образовании производных от личных имен, характеризуются в русской грамматике как суффиксы субъективной оценки. Однако наблюдения за функционированием этих имен в лоемском говоре показало, что они, как прави-

ло, не являются ни деминутивами, ни экспрессивами. В качестве аргументов приведем примеры употребления личных имен в лоемском говоре: *У нас тетка Васюха самокур-от в логу курила; Нам Федюня Борович лошадей давал на масленку; Евлалика-та всю жизнь мужика своёва к Петрушихе прикладывала, до драчи дело доходило; Тамока на сенокосе Парасья, царство небесное, говаривала.* Как можно заметить, употребление имен выполняет исключительно номинативную функцию и не предполагает выражения субъективной оценки.

3. Прозвища. Индивидуальные прозвища

Наряду с гипокористическими именами, в общении лоемцев активно используются прозвища, индивидуальные и коллективные.

В Лойме используются **индивидуальные прозвища** двух видов: патронимические и социальные. *Патронимические* представляют собой образования от личных имен родителей, часто матери (*Галишина, Любавишина, Агнишина* и т. п.) или мужа (*Пашиха, Олёксиха, Петрушиха, Васиха, Николиха* и т. п.). В послевоенное время в Лойме получили распространение патронимические прозвища, образованные от женских имен: *Агнишина* от Агния, *Любавишина* от Любовь (*Люба*), *Палагин* от Пелагея (*Палага*). Это может быть объяснено тем, что женщины после войны и гибели мужей становились главой семьи, в одиночку воспитывали детей и веда хозяйство.

Наблюдения за образованием индивидуальных патронимических прозвищ в Лойме позволили установить следующие словообразовательные модели (надо отметить, что особенностью лоемского словообразования является образование прозвищ преимущественно не от полного официального имени, а от обиходного, сокращенного):

— с помощью суффикса *-их-* от мужского имени: *Вася* → *Васиха*, *Веня* → *Вениха*, *Володя* → *Володиха*, *Гриша* → *Гришиха*, *Костя* → *Костиха*, *Олёкса* → *Олёксиха*, *Ондрюша* → *Ондрюшиха*, *Офоня* → *Офониха* *Паша* → *Пашиха*, *Петруша* → *Петрушиха*, *Лёва* → *Лёвиха* и т. п. (*Его так ругали Лёва, у ёво отец Леонтий был, и у ёво жона*

была, Лёвиха её звали, вот она нам варила обед; Отец у меня Офона был, дак маму Офонихой звали; Вот девушка выйдет замуж, её уж не говорили она чья, а говорили такая-то по мужу, вот у меня мама была Мария, она вышла за Ивана; Олёкса мужик-от был дак, её назвали Олёксиха; У меня три Тани: дочка и две снохи Тани, дак я их зову Серёжиха, за Серёжей дак, другая за Сашей — Сашиха). Данные прозвища не имеют отрицательной коннотации, они выполняют функцию маркера «женскости» при неофициальном общении лиц, что весьма актуально для традиционной культуры;

— с помощью суффикса *-ишн-* / *-авишн-* от женского имени: *Азня* → *Агнишнина*, *Галя* → *Галишина*, *Любовь* → *Любавишина* и т. п. (*У нас вот, например, мама была, звали Дунёй фактически, а её Любавишиной, мати-то была Люба, и прозвишио — Любавишина*);

— с помощью суффикса *-ин-* от мужских и женских имен: *Митька* → *Митькин*, *Паша* → *Пашина*, *Палага* → *Палагин*, *Лизка* → *Лизкин* (*А меня просто звали Нинка Пашина, это в детстве; А Коля был брат, Коля Лизкин, Елизавета мама; Папа у нас был, у него мама была Пелагея, его звали Паша Палагин*). Такое словопроизводство характеризует преимущественно, хотя и не только мужские прозвища. С помощью такого суффикса могут образовываться производные и от прозвища женщины: *Петрушиха* → *Петрушихин* (*Ваня Петрушихин, Петруша-то, первый муж у бабки, но и просто это всё по этому так пошло*). Среди таких прозвищ отмечается и образование от женского прозвища по индивидуальному прозвищу мужа: *Гашко* → *Гашиха* → *Гашихин* (*Отеч-от Гашихин звался*);

— в говоре Лоймы отмечены сложные патронимические прозвища, образованные от личного имени и социального прозвища мужа. Производная основа от имени образована с помощью суффикса *-их*, а производная от социального прозвища — с помощью суффикса *-ин*: *Гриша Кукиша* → *Гришиха Кукишина* (*Она ведь мне не сказывают, чё читат, Гришиха Кукишина, Васьки Жебова мати, Гриши Кукиши жона*).

Социальные прозвища — это индивидуальные прозвища, данные конкретным людям и отражающие отношение к ним членов языкового коллектива — социума. Прозвища, в отличие от личных имен, как правило, прямо и непосредственно характеризуют человека. Характеристика человека посредством прозвища может быть связана либо с социальным положением человека, либо с образными и эмоциональными переживаниями. Такие прозвища отражают либо их отличительные признаки (внешний вид, свойства, черты характера), либо их социальное положение (происхождение, образ жизни, профессию, статус). Наблюдения над сложением социальных прозвищ, их мотивационной базой, позволяют выявить сферы жизни, актуальные в языковом коллективе и потому составляющие его культурное своеобразие. Анализ показал, что актуальными, отраженными в социальных индивидуальных прозвищах, оказались следующие сферы.

Внешний вид: **Колобок**, **Коровашек** — прозвища толстых людей (ср. лоемкое *коровашек* ‘хлеб из дрожжевого теста, испеченный на поду в русской печи’ (*Коровашек, он полной такой*); **Худенький** — ироническое прозвище толстого человека (*У меня сейчас прозвишило Худенький, Веня Худенький, полный был, дак из-за этого*); **Телепузик** — прозвище полного человека небольшого роста; **Долгой** — прозвище высокого человека (ср. лоемское *долгий* ‘длинный, высокий’) (*Ваня Долгой — это дедушка мой*); **Монгол** — прозвище смуглого человека с узкими раскосыми глазами; **Сопливик** — прозвище внешне неопрятного человека; **Белянка** — прозвище светловолосого человека (*Шура был, Шурик Белянка, такое прозвище*); **Джоанка** — прозвище девушки, внешне похожей на парня, вероятно, в данном случае мы имеем дело с совмещением иностранных имен Джон и Джоанна (*Так-то её Оля зовут, а почему-то кличут Джоанка, она как парень такая*) и др.

Физиологические свойства: **Блудень** — прозвище плохо слышащего человека (ср. лоемское *блухой* ‘глухой’) (*Ананий Блудень, он блухой, все так его и звали, он плохо слышал дак*); **Багай** — прозвище

немного человека (*Дедушко у их, по-деревенски его Багаем прозывали, буди, немой, багаи-те люди бывали, немые*); **Попоня** — прозвище человека, родившегося в «рубашке» (ср. лоемское *попона* ‘оболочка плода, «рубашка»’) (*Был ребёнок, родился в попоне, вот этот Попоня родился, ребёнок, и ему прозвище дали*) и др.

СВОЙСТВА ХАРАКТЕРА, ПРАВ, ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ: **Потка** — прозвище подвижного человека (ср. лоемское *потка* ‘птица’) (*Бойко, бойко бегал, надо быстро, говорит, его Потка звали*); **Свист** — прозвище разговорчивого, болтливового человека (*Здись у мужиков кличек разных надавано: Свист, то Гашко, то Коровашек какой-то, никогда по имени не зовут, всё по прозвищу, Свист, дак он розговорчивой такой человек*); **Бахвал** — прозвище хвастливого человека (*Нашёл кого слушать, он же на каждом шагу врёт да привирает, его и зовут-то Володя Бахвал*); **Точка** — прозвище работающей женщины, которой до всего есть дело (ср. однокоренное лоемское *дотыкаться* ‘приставать, интересоваться’) (*Нина-та Точка до работы-то жадная была, ну мялка настояща, всю работу сама сробит!*); **Мотас** — прозвище человека, который много ездил, долго не жил на одном месте (*Мотасом мужика зовут, мотался много*); **Бранёнок** — прозвище скандального, бранливого человека (*Потому что он очень любил ругаться, браниться, вот и Бранёнок, их дедушко-то*); **Хыма** — прозвище человека по особенности его речи (*Он в детстве дырку в штянах хымой звал, так ёво и прозвали*) и др.

ПРОФЕССИЯ, ЗАНЯТИЯ, ДОЛЖНОСТЬ: прозвища могут даваться по названию профессии либо по характерной детали, связанной с определённым видом деятельности: **Кардан** — прозвище человека, работающего водителем (*Парень у нас есь, так он Кардан, он шофером был*); **Конюх** — прозвище человека, ухаживавшего за лошадьми (*Он конюхом работал, так и остался Шура Конюх на всю жизнь, у их девятеро детей*); **Карась, Палтус** — прозвища человека, занимающегося рыболовством (*Рыбу он ловил, Карась-то, а потом-то он стал рыбу побольше ловить, и говорит, я уже не Карась, а мол Пал-*

тус — всё его Палтусом и стали звать); **Ложкинёнок** — прозвище человека, изготовлявшего ложки (*У маминной сестры муж был Василий, дак его Ложкинёнок звали, прозвище было, прадед делал ложки деревянные*) и др.

СТАТУС В СОЦИУМЕ: **Мока** — прозвище человека, в чьей профессиональной помощи нуждались односельчане (ср. лоемское *замокивать* ‘помечать; заручаться согласием; в игре: отмечать как пойманного’) (*К нему пришли, сказали: Фёдор, завтра ко мне; другой пришел: Ты как, чё? Он скажет: завтра-послезавтра, и его потом прозвали Фёдор Мока, замокивали, зараньше, завременно договаривались — вот он Фёдор Мока и стал*). Надо отметить, что одной из распространенных фамилий в Лойме является фамилия *Мокиевы*. **Кузя** — прозвище человека, возможно, чем-то прославившегося в свое время и оставившего по себе память в народном коллективе Лоймы (*Деда-то их Кузей прозвали, он давно умер, а уже шестое поколение всё Кузей кликают*).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИЛИ ВРЕМЕННОЕ ПРОЖИВАНИЕ В ДРУГОЙ МЕСТНОСТИ: дядя **Челдон** — прозвище человека, долгое время жившего далеко от родных мест (ср. лоемское *Челдон* ‘Сибирь, Чукотка’) (*Рассердился хозяин и вот какой-то доской его стукнул и убил, и вот его судили, и его отправили на Челдон, звали дядя Челдон*); Коля **Питерский** — прозвище человека, некоторое время жившего в Ленинграде (*Ваня Фитя, он брат у Коли Питерского, так и знают в деревне*); **Котеленка** — прозвище женщины, приехавшей с хутора Котельница (*У нас прозвище, мама была с хутора Котельница, там речка небольшая Котельница, так у неё была Котеленка, по речке*); **Уленка** — прозвище женщины, приехавшей из деревни Ула (*Я в Верхолузье родилась, в деревне Ула, маму Уленка звали и меня*); **Черемис, Черемиска** — прозвища семейной пары (*Тятя ешио жив был дак, нанял их роботать, итёбы строил, Черемисом звали, её Черемиской, а он Черемис, по мужику-то её Черемиской, а как-то же было у ё имё-то*) и др.

Довольно много индивидуальных социальных прозвищ, зафиксированных в Лойме, не имеют удовлетворительного объяснения: жители уже не помнят обстоятельства имянаречения, прозвище становится немотивированным, несмотря на то, что апеллятивы представляют собой известные слова и даже могут иметь оценочный компонент значения. Среди производящих основ для прозвищ можно выделить именные собственные: *Бахтияр* — старинное мужское имя, известное среди индийцев, иранцев и тюркских народов (*Бахтияр как будто это звали, ну был у нас, он умер уж, прозвище у Шуры Бахтияр был*), *Махно* — имя политического и военного деятеля времен Гражданской войны (*Всякие ешо есть, и Махно, и Догнат, а уш откуда так, не знаю*); названия птиц: *кукиша* ‘птица семейства врановых отряда воробьинообразных’ (*Гришиха Кукишина, Васьки Жебова мати, Гришии Кукиши жона*); *канюк* ‘род хищных птиц семейства ястребиных’ (*У нас батя — Федюня Канюк*); *куропатка* ‘птица семейства фазановых’ (*Жил тут какой-то Куропатка, потом от него Куропаткины*); названия предметов: *телега* (*Вот, Митя Телега жонился, поехал на Лёхту*), *кустик* (*А тут у Толи, у Толи, так-то его почему-то Кустиком зовут*); глагольные обозначения действий: *махать* (*Анна Григорьевна его почему-то Махалка звали*).

Иногда в ответе на вопрос, почему так или иначе называют того или иного человека, жители Лоймы, желая объяснить прозвище, указывали произвольную этимологию, связанную скорее с реальными качествами человека и весьма неопределенно связывающуюся с внутренней формой антропонима: (*Палачи-те раньше головы рубили, а он шибко бойки был, вот его Палачом прозвали; Олёкса Шаран, как сказать, ну высокий человек можно сказать — шаран, у их в семье все высокиё были*). В связи с этим показательны разные версии объяснения прозвища *Шмотя* (*Васька Шмотя, так это шмотки, так эти старые шмотки называют, шмотки, шмотя, старые ряски; Шмотя как переводится типа сопливый; У нас в деревне Шмотя один был, все веселит, весельчак это*).

Наконец, в Лойме используются прозвища, происхождение которых затемнено и в связи с тем, что сами апеллятивы представляют собой «темные» слова: **Гашико** (*Сашика Гашико, а ведь не знаю почему, отеч тожо Гашико, Коля Гашико, меня так все и знают, спроси — скажут, а Шехонин, так и не знают какой*); **Зотя** (*Вот тут Коля был, дак ему Зотей дали: Зотя, обедать! А Коля уж знат, итё его зовут*); **Кыра** ‘прозвище невысокой женщины’ (*Тут была одна маленькая, за ричкой сразу в том дому жила, Анной звали, а маленькая, дак звали Кыра, Анюха Кыра, маленькая дак, а кыра-та чем знаю?*); **Догнат** (*Всякие ешо есть, и Махно, и Догнат, а уш откуда так, не знаю*); **Фитя** (*Ваня Фитя, он брат у Коли Питерского*). Последнее прозвище, возможно, связано со словом *фитюк* ‘болван, лентяй’ от названия буквы *фита* [Фасмер, т. IV, с. 197].

4. Коллективные прозвища

Особую разновидность прозвищ представляют **коллективные прозвища**. Они представляют собой малоизученную и недостаточно описанную область русской ономастики. До сих пор остается открытым как вопрос о самом термине *коллективное прозвище*, так и о его смысловом наполнении. Различные подходы к проблеме изучения коллективных прозвищ отражены в работах и фольклористического, и лингвистического направления, см. труды Ю. Б. Воронцовой, Н. Г. Гордеевой, А. Ф. Журавлева, Т. С. Коготковой, З. П. Никулиной, П. Т. Поротникова, А. В. Суперанской (см. обзор: [Воронцова, 2002]).

Не касаясь теоретических проблем разграничения разных видов коллективных именовании, мы будем понимать термин *коллективное прозвище* широко: как именование группы лиц, связанных какими-либо отношениями. Коллективные прозвища — явление разнородное: с одной стороны, коллективное прозвище — это общее название людей, связанных кровным родством или семейными связями (*семейные прозвища*), с другой — это название людей, объединенных общим местом проживания, то есть объединенных географически и

этнографически. В свое время Д. К. Зеленин предлагал такие имена называть присловьями: присловья — «прозвища, относящиеся не к единичному лицу, а к группе лиц, составляющей собою географическое или этнографическое целое» [Зеленин, 1994, с. 38]. Для удобства разграничения разных видов прозвищ в лоемском ономастиконе назовем их *коллективно-территориальными*.

В образовании *семейных прозвищ* в Лойме отчетливо выделяются следующие модели словообразования:

— производные, образованные с помощью суффикса *-ин*: *Стёпка* → *Стёпкины* (*Стёпкины их звали, какой-то старый дед — прадед Стёпка был*) и т. п. Особенностью этих образований является то, что они могут быть образованы и от женских прозвищ *Мишиха* → *Мишихины*, *Вениха* → *Венихины* (*Вот хозяин, у меня был отец Миша, дак Мишихины все робята, так звали, вот всех робят этих; у меня вот тожо отца убили, вот тожо Мишихины звали детей, уже не по отцу, не Мишины, а Мишихины; А вот жён почему-то всё так звали, раз я пришла за мужа, например за Ваню, то меня уж Ванихой зовут, если за Петрушу, дак Петрушиха, если за Офюню, дак Офюниха, вот так звали, по имени не зовут, а всё как-то по мужу, а потом и детей туда*). Кроме того, такие прозвища могут образовываться не только от личных имен, но и от индивидуальных прозвищ: *Мока* → *Мокины*, *Фитя* → *Фитины*, *Куропатка* → *Куропаткины* (*Вот старый дом стоит, там Куропаткины*) и т. п.;

— производные, образованные с помощью суффикса *-ов*: *Симко* → *Симковы*, *Самойко* → *Самойковы* и т. п. Эти прозвища образуются от имени мужчины, родоначальника семьи. Образование такого рода семейных прозвищ может быть связано и с индивидуальными прозвищами: *Гашко* → *Гашковы*, *Бранёнок* → *Бранёнковы* (*У нас, у наших было прозвище, это Бранёнковы, я тогда сказала уже, Бранёнковы это у меня со стороны мужа*);

— производные, образованные с помощью суффикса *-ёнк / -онк*: *Ерофей* → *Ерофиёнки*, *Петруша* → *Петрушонки*, *Кондрат* → *Кон-*

драшонки, Костя → Костёнки (У нас дедко был Константин, дак Костёнки и звали, Костёнки) и т. п. Такие производные коллективные прозвища могут образовываться не только от личных имен, но и от индивидуальных прозвищ основателя рода: *Кум → Кумчонки, Телега → Тележонки, Король → Королёнки, Багай → Багаёнки (Были эти, Чарковы, у их ешио прозвище было Багаёнки, они как по бабушке Багаёнки)* и т. п. Есть предположение, что эта модель использовалась для именования третьего поколения семьи: *Палач → Палачовы → Палачонки (Не знаю, кто у них Палач, был или нет палачом-от, а, это все Палачовы, по фамилии или что там, а эти все Палачонки вот, это самое, такие прозвища были);*

— производные, образованные с помощью суффикса *-ят*: *Зуй → Зуята, Бурдонёнок → Бурдонята, Ложкинёнок → Ложкинята (Вот из какой-то родни скажут вот, а это вот всё Ложкинята); Лазёнок → Лазята (А этих, Иевлевых, называли Лазята); Дорма → Дормята (Дормята — это кто-то у их в поколении был, звали Дорма).* Такое семейное прозвище могло образоваться и от фамилии: *Яборов → Яборята (Наши Яборовы были, дак Яборята);*

— производные, представляющие собой форму множественного числа индивидуального прозвища главы семейства: *Бахтияр → Бахтияры (Бахтияры-те, мама говорит, нас так потом всё и звали), Шаран → Шараны (Шаран, у нас Пантелеевых всех Шаранами назвали, мужчины у их все высокие).*

Семейные родовые прозвища в лоемской языковой культуре представляют собой своеобразные маркеры семьи, «очерчивая» ее родственные границы и устанавливая статус члена семьи: *Бурдонята, Багаёнки, Самойковы, Мокины* и т. п. Суффиксы со значением принадлежности (*-ов, -ин*), а также уменьшительные суффиксы со значением ‘детеныш’ (*-онок, -ята*) в структуре таких прозвищ подчеркивают статус их носителей относительно родоначальника, основателя и главы семьи, то есть принадлежность к младшему поколению.

Кроме семейных прозвищ, в Лойме употребляются *коллективно-территориальные прозвища*. Лойма — большое село, состоящее из куста маленьких деревень. Тем не менее они географически и этнографически осознаются как единое целое. Протяженность Лоймы — приблизительно 20 км. Вследствие большой протяженности село отчетливо делится на части — центральную, верхнюю и нижнюю, а также включает деревни, отстоящие от большой дороги, находящиеся в стороне. Верхняя и нижняя части определяются по течению — вверх или вниз — реки Лузы, на которой стоит село.

Коллективно-территориальные прозвища представляют собой собирательные имена, образованные сложением основ *верх-* / *нижн-* и усеченной основы *конец* с соединительной гласной: *верхокона* и *нижнокона*. Помимо прозвища *верхокона* / *верхохона*, жители верхней части Лоймы могут именоваться *Чечня*, *Ичкерия*, *Чуны* (*Верхохонские чуны*) от лоемского *чун* ‘грязнуля’. Жителей деревень, находящихся в стороне от большой дороги, называют *забока* или *забочена* (*Все сидят, ждут у Гали дружка, а он всё не идёт и не идёт — вот ещё, забочена-те, и не идут долго!*). Такие прозвища не являются в чистом виде катойконимами, так как в их значении очевидно обнаруживается оценочный компонент. В знаковом пространстве языкового коллектива Лоймы такие именованья — не столько указание на место проживания, сколько характеристика микрогруппы, что находит отражение в присловьях: *Раевичи — люди дичи, неопихано едят. Летом носят рукавичи, зимой в лаптичах скрипят* (раевичи — жители деревни Рай, находящейся в стороне от центральной дороги) и т. п.

Лойма — большое село, а потому ориентация в нем осуществлялась и по фамилии и, возможно, прозвищам семей, там проживающих. В советское время в качестве ориентиров стали употребляться и названия колхозов, а затем совхозов. В результате появилась сложная, разветвленная система названий: одно и то же место могло иметь несколько названий — по родовому имени / фамилии и административное (*Некрасовы и фамилия была, там Некрасовчи, Ерилёнки*,

Васильевчи, Занёнки, Пятковчи, вот это все по деревням названья были, а у нас Шорошонки была, у нас дед Ананий писал письмо, дак всё деревня Шороховы напишет, а писалось Вотинская). Такие ойконимы представляли собой вторичные отантропонимичные образования, которые называли не единицы административного деления села, а скорее, пространство, занимаемое домом или несколькими домами одного рода, имеющего общее семейное прозвище. Такое прозвище имели члены семьи, родственники трех или четырех поколений (напр. *Евленьки, Петрушонки, Багаёнки, Занёнки* и др.). Эти прозвища становились дополнительными знаками в пространстве и средством ориентации в нем: *У нас сколько их поколений, всё зовут Ерофиенки, а тех Петрушонки: Петруша был дед; я туда к Петрушонкам-то и ушла.*

В образовании **коллективно-территориальных прозвищ** можно выявить следующие словообразовательные модели:

— производные, образованные с помощью суффикса *-ц (-ч)*: *Борисовчи, Бородкинчи, Ериловчи, Макаровчи, Некрасовчи, Пятковчи* и т. п. (*А Ериловчи это там фамилия Ериловы; Деревня была вот Жебовская, так Жебовчи вот звали; Вот там у нас Борисовы — Борисовчи; Тут жили все Макаровские, так Макаровчи вот звали*). Позднее такие коллективно-территориальные прозвища стали образовываться и от имени колхоза, например, колхоз имени Эрнста Тельмана → *Тельманчи (Их по имени какому-то плохому прозвали, забыла... Тельман, раньше руководители какие-то, Тельман-от тожко был во власти, их Тельманчи, Тельманчи всё звали);*

— производные, образованные с помощью суффикса *-ёнк /-онк*: *Гришонки, Евлёнки, Занёнки, Митёнки, Пакишонки, Перёнки, Шорошонки, Юдёнки* и т. п. (*Да чо в Октябре сколько деревень было: Занёнки, Васильевчи, Петковчи, Юдёнки; Раньше у нас там много Иевлевых было, потому и Евлёнки, это преждее; Ну а тут Митёнки, четыре дома Митькины были они все, прадед у них был Митька дак, четыре дома вот по этой стороне);*

— производные, образованные с помощью суффикса *-щин-*: *Вороновицина, Исаковицина, Митеницина, Чарковицина* и т. п. (*Фамилия Чаркова, вот их звали Чарковицина, а там вот магазин, под горку, там звали Чарковицина*). Среди таких прозвищ обнаруживаются и оттопонимические названия: *Повост* ‘центральная часть Лоймы, погост у церкви’ → *Повоцина* (*Иди на Повост в магазин, людей в том месте называют Повоцина*); позднее появились именованные по названию колхоза, например: *«Искра»* → *Искровицина* и т. п.;

— производные, образованные с помощью суффикса *-ят-*: *Комарята* (*Ну допустим, Евлёнки были, Комарята, Угаренки*). Обнаруживаются и прозвища, образованные от топонимов (*Пентюра* → *Пентюраята*), от названия колхоза (*Октябрь* → *Октябрюята*).

Обращает на себя внимание тот факт, что и семейные, и коллективно-территориальные прозвища образуются по сходным словообразовательным моделям. Это может свидетельствовать о том, что в языковом коллективе эти имена прежде всего осмыслились как названия групп людей, а затем уже как наименования места. Это, как нам кажется, подтверждается тем, что коллективно-территориальные прозвища могли осложняться дополнительным прозвищем с чисто оценочным значением: *Гришонки Потёмки* (*Гришонки Потёмки, так ужось прозвище тако*) или *Коммунарские зазнобы* (*А нас вот так вот Коммунарские зазнобы всё ругали. Был совхоз Коммунар, а деревня называлась Гришонки*).

5. Выводы

Итак, проанализировав антропонимы в ономастиконе Лоймы, можно сделать вывод о том, что они отражают народную культуру жителей этого села. Лоемцы, наряду с официальными именами, активно используют в речи их производные и индивидуальные прозвища, которые воспринимаются как «свои», внутригрупповые имена, позволяющие отличить своего от чужого. Производные от официальных личных имен (гипокористические имена) в культуре Лоймы

не дифференцируются по возрасту или социальной иерархии и сопровождают лоемца всю его жизнь. Зачастую жители села и не вспоминают официальных фамилий соседей, ориентируясь только на их гипокористические имена и прозвища.

Жители Лоймы, наряду с гипокористическими именами, активно используют индивидуальные и коллективные прозвища — патронимические и социальные. Патронимические представляют собой образования от личных имен родителей, часто матери, или мужа. Так как семьи были большими, многодетными, то, вырастая, дети сами становились во главе семьи. И для того, чтобы различать новые семьи, вместо конкретных фамилий использовали прозвища. В послевоенное время в Лойме стали распространенными родовые прозвища, образованные от женских имен. Это может быть объяснено тем, что женщина после войны и гибели мужа, становилась главой семьи, в одиночку воспитывая детей и ведя хозяйство.

Можно заметить, что неотъемлемой частью традиционного этикета Лоймы является почитание старших — старшего семьи или рода, отца, старшей женщины, словом, человека, старшего по возрасту. Вместе с тем традиционный этикет под понятием «старший» нередко подразумевает старшинство человека не только в соответствии с его фактическим возрастом, но исходя из его статуса и места в семейной, родовой и т. д. иерархии безотносительно к возрасту. Суффиксы со значением принадлежности (*-ов, -ин*), а также уменьшительные суффиксы со значением 'детеныш' (*-онок, -ята*) в структуре таких прозвищ подчеркивают младший статус их носителей по отношению к родоначальнику, основателю и главе семьи.

Кроме того, коллективные прозвища выполняют еще одну важную функцию в народной культуре Лоймы — служат ориентиром в пространстве села. Семейные микроколлективы, объединенные одним прозвищем, живут длительное время на одном месте, и это место получает неофициальное название по имени семьи, патронимическому прозвищу.

Коллективные прозвища позволили увидеть характерное для лоемцев отношение к пространству и людям, на нем проживающим. Выяснилось, что в ономастической системе Лоймы очевидно просматривается традиционная модель пространства: центр (с выраженным положительным отношением) — периферия (с отрицательным).

Таким образом, исследование антропонимической системы говора позволило выявить характерные черты народной культуры и описать ее, увидеть своеобразие одного из языковых коллективов Русского Севера.

Литература

1. Бунчук Т. Н. «Лоемчка говоря» : диалект как выражение самосознания языкового коллектива / Т. Н. Бунчук // Лингвистическая экология : сохранение исчезающих языков и культур в истории и современности : материалы международной научной конференции (19—22 сент. 2014). — Ставрополь : [б. и.], 2014. — С. 36—43.

2. Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в русских говорах : диссертация... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. Б. Воронцова. — Екатеринбург, 2002. — 294 с.

3. Жеребцов И. Л. Где ты живешь : населенные пункты Республики Коми : историко-демографический справочник / И. Л. Жеребцов. — Сыктывкар : Коми книжное изд-во, 2000. — 444 с.

4. Зеленин Д. К. Великорусские народные присловья как материал для этнографии / Д. К. Зеленин. — В книге : Зеленин Д. К. Избранные труды : статьи по духовной культуре 1901—1913 / Д. К. Зеленин. — Москва : Индрик, 1994. — С. 38—58.

5. КСГЛ — *Картотека* Словаря говора села Лойма : хранится в Научно-образовательном центре Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина «Духовная культура Европейского севера России».

6. Никонов В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. — Москва : Наука, 1974. — 278 с.

7. По-лоемски играем, по-лоемски поем... : сборник частушек, старинных песен, современного фольклора / сост. Е. И. Шехонина ; Центральная межпоселенческая библиотека им. В. В. Юхнина. — Объячево : [б. и.], 2010. — 68 с.

8. Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — Санкт-Петербург : Терра — Азбука, 1996. — Т. I—IV.

Loyma Village Anthroponymic System

© **Bunchuk Tatyana Nikolayevna (2015)**, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian and General Philology, Institute of Humane Studies, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia), tnbunchuk@mail.ru.

© **Propisnova Yekaterina Leonidovna (2015)**, Institute of Humane Studies, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia), propisnova2013@yandex.ru.

Personal names and nicknames functioning in the dialect of Loyma village, one of the Russian villages in the Republic of Komi, are considered. The authors proceed from the fact that anthroponymy is a significant part of onomastic space of any language. This linguistic reservoir carries linguistic, ethnographic, historical, social and cultural information that determines the relevance of the study. Material is recovered from the card index of Loyma village stored in Syktyvkar State University. It is reported that the village is surrounded by villages with different cultural and linguistic identities, it is relatively far from the big cities like Syktyvkar and Kirov. This explains the cultural and linguistic uniqueness of the area onomasticon. Personal names and nicknames are described in terms of their nominative and structural-semantic organization, as well as in terms of reflection of folk culture. A comparison of onomasticons of XVII—XVIII and XXI centuries is done. A list of names to the specific language community. It is noted that hypocoristic name accompanies Loyma inhabitant all his life. The study identified the main word-formation models, functional and semantic features of anthroponyms creating the "color" of Loyma language community onomasticon.

Key words: dialect; name; family name; anthroponym; personal nickname; collective nickname; word formation; folk culture.

References

Bunchuk, T. N. 2014. «Loemchka govorya»: dialekt kak vyrazhenie samosoznaniya yazykovogo kolektiva. *Lingvisticheskaya ekologiya*

- ya: sokhranenie ischezayushchikh yazykov i kul'tur v istorii i sovremennosti. Stavropol'. 36—43.*
- Fasmer, M. 1996. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Terra — Azbuka.
- Kartoteka Slovarya govora sela Loyma: khranitsya v Nauchno-obrazovatel'nom tsentre Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta im. Pitirima Sorokina «Dukhovnaya kul'tura Evropeyskogo severa Rossii».*
- Nikonov, V. A. 1974. *Imya i obshchestvo*. Moskva: Nauka.
- Shekhonina, E. I. (ed.). 2010. *Po-loemski igraem, po-loemski poem...: sbornik chastushek, starinnykh pesen, sovremennogo fol'klora*. Obyachevo.
- Vorontsova, Yu. B. 2002. *Kollektivnye prozvischa v russkikh govorakh: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk*. Ekaterinburg.
- Zelenin, D. K. 1994. Velikorusskie narodnye prislov'ya kak material dlya etnografii. In: Zelenin, D. K. *Izbrannye trudy: statyi po dukhovnoy kul'ture 1901—1913*. Moskva: Indrik. 38—58.
- Zherebtsov, I. L. 2000. *Gde ty zhivesh: naselennye punkty Respubliki Komi: istoriko-demograficheskiy spravochnik*. Syktyvkar: Komi knizhnoe izd-vo.